

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ЖИТИЯ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО СТАРЦА ФЕОДОРА ТОМСКОГО»: К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОГО АГИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА (ЧАСТЬ II)

Представленная в этой публикации вторая часть¹ является фрагментом целостного исследования, посвященного рассмотрению жанрового своеобразия современного агиографического канона на материале «Жития святого праведного старца Феодора Томского», составленного игуменом Силуаном (Вьюровым) (в настоящее время – епископ Колпашевский и Стрежевской). Рассматриваемое произведение отражает современный этап эволюции агиографического жанра и соответствует современным каноническим жанрово-стилевым требованиям объективности, фактологичности, лаконичности, а также тенденции к передаче индивидуальной характеристики подвижника, а не ориентации на агийотип. Наибольшее внимание уделено исследованию стиля жития, принципов авторского повествования и художественных средств создания образа святого.

Ключевые слова: агиография, проложное житие, святой, праведник, мученик, православие, канон, композиция, автор, стиль.

2.2. Принципы авторского повествования и стиль

Автор «Жития святого праведного старца Феодора Томского» в начале книги обозначает себя как составитель, определяя свою художественную задачу только сбором агиографического материала и объективной подачей его. Поэтому в житийном тексте присутствует форма безличного повествования, которым достигается максимальная объективированность изображения. Концепция автора наиболее ярко выражается в самом выборе фактов, а также способе их организации в тексте. И только пролог, эпилог и встречающиеся в тексте дидактические авторские замечания и комментарии раскрывают авторское сознание и его точку зрения на изображаемое. Во всех этих эпизодах присутствует диалогичность монологического слова, слышится пастырский голос агиографа, обращенный к коллективному адресату. Например, в эпилоге: «А пример его праведной жизни пусть послужит если не к возбуждению решимости следовать за ним путем совершенного самоотвержения, то, по крайней мере, к созиданию в нас духа смирения и сокрушения о своих немощах и грехах» [1, с. 36].

Однако в центральной части жития можно заметить появление разных форм авторского сознания² – хроникера, повествователя и проповедника – в зависимости от художественных задач: беспристрастно излагать факты и фиксировать события, повествовать о важных и чудесных событиях из жизни святого или просвещать и наставлять читателя.

¹ Первая часть исследования опубликована в «Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin)». 2014. Вып. 9 (150). С. 114–120.

² Убедительной является теория автора Б. О. Кормана, который не смешивает «автора как носителя концепции, выражением которой является все произведение, с одной из форм авторского сознания – повествователем, рассказчиком, рассказчиком-героем, хроникером и т. п.» [2, с. 60].

В рассматриваемом житии святого праведного старца Феодора Томского преобладает стремление агиографа к точности и фактологичности, отказу от художественного вымысла и занимательности. Этим объясняется такой принцип подбора фактов для составления жития, которые являются или неоспоримыми, или же их донесли до нас свидетели жизни святого. Объективность и достоверность материала подтверждается ссылками на дошедшие до нас источники: «По описаниям архимандритов Томского Богородице-Алексиевского монастыря отцов Виктора (Лебедева) и Лазаря (Генерозова), купца С. Ф. Хромова и других современников св. Феодора, он был статным, высокого роста...» [1, с. 6].

Вышеприведенные принципы и способы описания жизни святого соответствуют современной агиографической тенденции, для которой характерна сознательная установка на историко-документальную подачу материала. Большинство современных канонических житийных текстов отличаются простотой и краткостью изложения, стремлением к фактологизму (указываются цифры, даты, географические названия, конкретные факты, представлены фотографии), отказом от общей риторики и изощренной литературной формы, что во многом обусловлено ориентацией авторов на адресата³. Современный читатель лучше усваивает информационный текст, передающий факты, чем риторику, которая воспринимается как нечто устаревшее и искусственное. От жития современный человек «ждет научно обоснованных подробностей, реальных деталей. Писатель призван рассказывать о подвижниках и деятелях Церкви не в общих словах, но максимально конкретно и в связи с другими историческими событиями» [4].

³ М. М. Бахтин в своей работе «Проблемы речевых жанров» отметил, что «каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата» [3, с. 192].

Вместе с этими жанрово-стилевыми особенностями современных житийных текстов необходимо отметить отсутствие субъективно-авторской модальности, оценочности, отказ от психологизма и домысливания облика реально существовавшего человека. Герои жития получают характеристику через описания их поступков, слов, форм поведения и общения, поскольку важным является не только то, что совершает человек, но и то, как он при этом ведет себя. В то же время современные авторы и составители житий и жизнеописаний, следуя канонической традиции, стараются передать мотивацию поступков и духовное устройство святого, но не через раскрытие внутреннего, психического мира человека, а, как правило, с помощью комментария или ссылок на Священное Писание: «Любовь к Богу, которую стяжал в своем сердце праведный Феодор, не могла не проявиться и в отношении к людям. „Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем – свидетельствует апостол Иоанн Богослов. – Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна в нас“ (1 Ин. 4: 16,12). Старец был исполнен этой Богоподобной любви» [1, с. 10]⁴.

Установка современных агиографов на безличное повествование привела к тому, что такая важнейшая черта эстетики агиографического дискурса, как установление ценностно-смысловой дистанции между автором и героем жития, встречающаяся в средневековых текстах и выражающаяся в самоуничижительных словах, в житиях и жизнеописаниях последних лет отсутствует. Однако в житии святого праведного старца Феодора Томского выражена благоговейная авторская установка («Счастливы мы, что в нашем суровом, далеком от святых мест, краю имеем как бы некий источник произливающих на нас Божественных милостей – святые мощи праведного Феодора» [1, с. 36]). Употребление «мы»-форм является стилистически значимым для религиозных текстов, поскольку «категория „мы“ занимает особое место в православной культуре, отражая основную идею православия – идею соборности...» [6].

Достаточно редко можно встретить в «Житии святого праведного старца Феодора Томского» скупую выраженную авторскую эмоциональность и оценочность. Например, в эпизоде о появлении у Феодора Кузьмича напечатанной молитвы для инока, удивление этим чудом передано не модально-

⁴ Ср.: из «Жития и страданий благоверного Царя Николая Александровича и Его Семьи»: «Императрица не любила светского общения, балов. Застенчивость Александры Феодоровны расценивалась как холодность и надменность. Ее строгому воспитанию была чужда моральная распушенность, царившая в придворной среде, религиозность императрицы называли странностью, даже ханжеством» [5, с. 12].

экспрессивной лексикой, а всего лишь умеренно-восклицательной интонацией, выраженной на письме восклицательным знаком: «А дело происходило в селе Краснореченском, где не было и не могло быть никакой типографии!» [1, с. 8].

Проявлением авторской позиции становятся редкие и скупые оценки ситуаций и поведения описываемых им лиц. Например, «со своими посетителями Феодор Козьмич вел себя очень сдержанно, трезвенно, без фамильярности» [1, с. 11]. Данная характеристика поведения старца с посетителями представлена лаконично, без многословных комментариев и объяснений. Встречаются более распространенные оценочные пояснения слов и поступков святого: «Все сведения и поучения, сообщенные им, отличались глубиной и правдивостью, вели слушателей к пониманию Промысла Божия в судьбах великих и малых явлений человеческой жизни и окружающего мира и надолго запоминались» [1, с. 12]. Стремление автора поступкам и словам старца дать правильное, с духовной точки зрения, объяснение служит назидательной задаче и сотериологической цели жития. Важность получает не только сам факт, но и его правильное осмысление, поскольку житие святого «всегда имеет двойной смысл – само по себе и как моральный образец для остальных людей» [7, с. 214].

Стилистические формы авторской речи в исследуемом житии имеют свою специфику. Как отметил М. М. Бахтин, «органическая, неразрывная связь стиля с жанром ясно раскрывается и на проблеме языковых или функциональных стилей» [3, с. 171]. Жанровое своеобразие жития позволяет выделить несколько стилевых разновидностей: церковно-религиозный⁵, научный, официально-деловой и художественный. Стилевой доминантой церковно-религиозного стиля является синтез элементов двух языковых систем – русского староцерковно-славянского и современного русского языков. К стилистически окрашенным единицам в «Житии святого праведного Феодора Томского»

⁵ Религиозный или церковно-религиозный стиль как разновидность функциональных стилей современного русского литературного языка, обслуживающий сферу церковно-общественной сферы деятельности, был признан в лингвистике на рубеже XX и XXI вв. См. об этом работы: Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: сб. памяти Т. Г. Винокур. М., 1996; Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003; Прохвятилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. Вып. 5. 2006. С. 19–26. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/275/19115.php>; Грекова И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 23 с. и др.

относится церковно-религиозная лексика (Бог, Господь, святой, преподобный, подвижник, старец, благочестие, старчество, прозорливость), слова и словесные обороты, имеющие книжную окраску (сердечные очи веры, таинственностью овевая личность, всемерно удаляясь от мира, плод высокой духовной жизни, праведная жизнь, благодатное попечение о ближних). Вместе с тем включение обширной цитации из Священного Писания и богословско-аскетических произведений создают особую, торжественно-приподнятую тональность (например: «Странничество, – учил великий наставник духовной жизни преподобный Иоанн Лествичник, – есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию» [1, с. 5]; «Своей праведной жизнью и благодатным попечением о ближних святой старец Феодор Козьмич, по апостольскому слову, являлся «Христовым благоуханием Богу в спасаемых и в погибающих» (2 Кор. 2, 15)» [1, с. 22]).

Помимо этого, автор тяготеет к научному стилю. В качестве стилевой черты выступают сложно-подчиненные и сложносочиненные предложения: «Жизнь святых по своей природе таинственна, но не от того, что в ней что-то нарочито скрыто от глаз непосвященных, а потому что их жизнь особым образом причастна той Великой Тайне, Которая именуется Богом, и – в силу данной причастности – сродна ей» [1, с. 3]. Можно отметить характерные для этой стилевой разновидности логичность изложения мысли (логические связки – «в силу данной причастности», «верно одно»), присутствие абстрактной лексики, объективность, авторскую безличность, точность, сухость. Этим объясняется аналитический, комментирующий характер жития.

Вместе с тем в исследуемом житии присутствует характерная для художественного стиля художественно-образная конкретизация. Отдельные фрагменты текста, посвященные необычным и чудесным эпизодам из жизни старца Феодора, которые представлены в центральной части, тяготеют к литературно-художественному стилю (например: «Когда старец жил на Красной речке, однажды его посетили купец Хромов и его супруга. Перед отъездом Хромов велел жене взять старцу на рубашку хорошего тонкого холста. Но она подумала: «Зачем старцу хороший холст?» И взяла похуже. Когда приехали к старцу и она стала отдавать ему холст, то он обратился к ней со словами: «Ведь тебе было велено привезти тонкий холст, нужно было исполнить. Но, – добавил затем старец Феодор, – для меня, бродяги, и этот очень тонкий» [1, с. 14]).

Официально-документальная стилевая разновидность проявляется в ориентации на фактоло-

гию, в указании на реальные географические названия, даты, исторические события, ссылки на источники (например: «В сентябре 1836 г. в арстантской партии под конвоем он был отправлен по этапу в Томскую губернию, где был приписан к деревне Зерцалы, Боготольской волости, Ачинского уезда, куда и прибыл 26 марта 1837 г.» [1, с. 4]).

Именно такая сложная стилевая палитра жития позволила игумену Силуану (Вьюрову) создать гибкое повествование, при котором пролог, эпилог и некоторые эпизоды написаны религиозным стилем, в них можно увидеть традицию церковной проповеди. Авторские комментарии в этих фрагментах текста носят богословско-догматический характер и направлены на духовно-религиозное просвещение современного читателя. Например, автор, прежде чем рассматривать подвиги старца – странничество и старчество, раскрывает их подлинный смысл, ссылаясь на Священное Писание и труды святых отцов: «Странничество, – учит великий наставник духовной жизни преподобный Иоанн Лествичник, – есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию» [1, с. 5].

Следующая после пролога первая часть, так же как и заключительные главы исследуемого жития, выдержана в объективном официально-деловом стиле повествования. Стремление к документализму выражено во включении в текст выдержек из документов, указании точных дат, названий местностей: «Первые достоверные известия о жизни старца Феодора относятся к истории его поселения в Сибири. Ранней осенью 1836 г. близ города Красноуфимска Пермской губернии был задержан проезжавший на лошади, запряженной в телегу, неизвестный человек» [1, с. 3]. В следующих главах «Подвижнические труды», «Благодатные дарования», «Столп от земли до неба», «Блаженная кончина и тайна старца» преобладает литературно-художественный стиль повествования, поскольку в этих главах присутствуют разные истории о чудесных и важных случаях из жизни старца и тех, кто общался с ним, а также рассказы и воспоминания самого старца. Такие небольшие рассказы, некоторые из них написаны по принципу патериковых повествований, с включением монологов и диалогов, обладают особой образностью и наглядностью. Они сосредоточены в центральной части жития, в которой нарратив организуется по кумулятивному принципу: небольшие истории нанизываются на единую нить общего повествования о святом.

(Можно увидеть определенное сходство в принципах построения авторских назидательных пояснений к небольшим «историям» из жизни старца Феодора с некоторыми эпизодами из жизни святых

отцов и комментариями к ним святителя Игнатия Брянчанинова в составленном им «Отечнике». Ср.: в «Отечнике» («Некоторый брат спросил авву Антония, что делать мне, чтоб обрести милосердие у Бога? – Святой старец отвечал ему: „Что скажу тебе, то сохраняй тщательно: где бы ты ни был, – имей Бога пред очами твоими; делай только то, на что имеешь свидетельство Писания; остерегись скоро оставлять место, в котором ты живешь, каково бы это место ни было“»). Из ответа преподобного Антония видно, что Священное Писание издревле признавалось основным руководством для монашества. Только те советы и те наставления старцев принимались за правило жизни, которые были согласны с Священным Писанием» (Отечник, составленный Игнатием Брянчаниновым. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/ignbr3/Main.htm> и в «Житии святого праведного старца Феодора Томского» («Другой случай произошел, когда старец жил в селе Белоярском. Феодор Козьмич очень любил свежий мед. И вот однажды казак Семен Николаевич Сидоров, у которого старец тогда жил, желая угодить старцу, велел своему брату Матвею Николаевичу купить в Ачинске для старца лучшего меда. Матвей Николаевич очень неохотно исполнил это поручение брата и в душе пожалел денег на мед. Когда мед был принесен к Феодору Козьмичу, то последний высказал все, что думал Матвей Николаевич Сидоров, и отказался от меда.

Этот случай особенно ярко показывает, что при тех или иных внешних проявлениях нашего почитания святых главным является то внутреннее устройство, с которым мы приступаем к угодицам Божиим или Самому Богу. И ответ на наши прошения зависит не столько от степени внешнего усердия, сколько от меры искренности наших намерений и нашей веры») [1, с. 14].)

К подобным рассказам относится драматичная история о раскаявшемся разбойнике. Приведем ее полностью: «Но старец, у которого в это время было несколько зерцаловских крестьян, беседовавших с ним на духовные темы, как только вошел этот ссыльный, встал и сказал: “Иди, иди отсюда!” Ссыльный изумился, изумились и бывшие в келии Феодора Козьмича крестьяне, не понимая, почему он гонит этого человека, тогда как вообще никому не отказывал в приеме. Но старец тотчас же сказал: “Уходи, уходи... У тебя руки в крови. Свой грех другому отдал...”» [1, с. 15]. Слова персонажа наполнены чувствами и эмоциями, которые выражены на синтаксическом уровне в восклицательном знаке и многоточии. Подобные фрагменты жития придают психологическую напряженно-эмоциональную характеристику агиографическому тексту. Последующие стремительные события, повествование о которых вместились в одно предложение,

переданы с помощью воспроизведения синтаксиса устно-разговорной речи, имитирующего устный пересказ свидетеля событий или самого участника их: «Ссыльный побледнел как полотно и торопливо вышел из избы, а потом, через несколько дней, ушел в Томск, где принес повинную начальству, что он не тот, за которого себя выдавал, что он промышлял разбоем и должен был идти на каторгу, но поменялся именем с одним из сосланных на поселение за бродяжничество, что на его совести до десяти убийств» [1, с. 15]. В этом фрагменте видна достаточно характерная для агиографического дискурса художественно-эстетическая практика, когда «при „переводе“ рассказа о событии с языка повседневности на язык иного Царства устраняются подробности, имена второстепенных персонажей, даты, конкретные обстоятельства произошедшего», поскольку «агиографический текст подчинен прежде всего одной цели: он должен проявить подлинную (духовную) сущность описываемого события, а для этого совершенно лишними оказываются частности и подробности» [8, с. 117].

Таким образом, в рассматриваемом житии видна общая для современной агиографии тенденция к объективному, хроникально-летописному, основанному на фактах и свидетельствах повествованию, при котором личность автора скрыта от читателей и выступает только в роли собирающего и излагающего факты хроникера. Однако в «Житии святого праведного старца Феодора» в большей мере, чем в других современных житийных текстах, выражена авторская концепция и позиция. Пастырский голос слышен в прологе и эпилоге, которые носят характер проповеди, поскольку автор обращается в них непосредственно к читателю, а также в отдельных объясняющих авторских комментариях. Обрамляющее собственно житие старца Феодора обращение автора к читателю создает модальную рамку диктумного содержания и придает фактической стороне жития дидактический, назидательный характер. И в этом видна традиция средневекового минейного житийного канона. К этой традиции относится также включение похвалы святому в церковно-риторическом стиле («Своей праведной жизнью и благодатным попечением о ближних святой старец Феодор Козьмич, по апостольскому слову, являлся “Христовым благоуханием Богу в спасаемых и в погибающих“» (2 Кор. 2: 15) [1, с. 22].

«Житие святого праведного старца Феодора» обладает более сложной стилиевой палитрой, чем большинство современных канонических житийных текстов, в которых вместе с церковно-религиозным стилем преобладает официально-деловой, и включает в себя научный, официально-деловой, церковно-религиозный и литературно-художественный стили.

3. Образ святого

Перед любым агиографом стоит задача изобразить образ святого, который должен отражать Первообраз. В отличие от предшествующей средневековой традиции, в которой образ святого мог быть описан с ориентацией на некий трафарет, агиотип, в современных житиях образ подвижника представлен более конкретно, воспроизводится в большей степени его индивидуальность.

На первых страницах «Жития святого праведного старца Феодора» портретное описание старца дано в обобщенно-отвлеченном плане («благообразная наружность»), без подробных описаний внешности и раскрытия черт характера, но с одной ведущей деталью, которая повторяется в житии несколько раз и связана с биографией старца Феодора, – необычность внешнего вида, заключающаяся в несоответствии благородной наружности и простой одежды. В первой главе поведение Феодора Кузьмича описано в протокольной манере повествования: «упорно продолжал называть себя бродягою»; «Старец Феодор приговором оказался доволен»; «своим поведением, деятельной заботой о слабых и больных арестантах, теплыми, утешительными беседами расположил к себе не только всю партию ссыльных, но и этапных офицеров и конвойных солдат» [1, с. 4].

В ходе повествования описания внешнего облика старца становятся более подробными, появляется портретная характеристика: «он был статным, высокого роста, плечи высокие; внешность имел величественную, лицо замечательно красивое, светлое, всегда чистое (хотя никто никогда не видел, чтобы старец умывался), глаза голубые, волосы на голове кудрявые, борода длинная, вьющаяся, совершенно седая» [1, с. 6]. Можно отметить специальные указания на такие незначительные с точки зрения агиографического портретного канона детали в поведении, как поступь и походка святого: «Поступь старца, его походка и все манеры были как у человека благовоспитанного и образованного» [1, с. 7]. Автор жития обращает внимание и на его особую, индивидуальную поведенческую манеру: «Разговаривал с незнакомыми всегда стоя или прохаживаясь взад и вперед по комнате, причем руки обыкновенно держал на бедрах, или засунув одну из них за пояс, а другую положив на грудь» [1, с. 11]⁶.

Детальное и конкретизированное описание портрета старца, передача его индивидуальной манеры поведения, во-первых, объясняется стремлением автора к передаче точных фактов, для создания исторической достоверности и убедительности,

во-вторых, служит принципу индивидуализации образа святого.

Кроме этого, в житии представлен достаточно подробно также характерологический портрет святого, который строится, главным образом, путем перечисления индивидуальных черт характера. Так, подчеркивается аккуратность подвижника, отмечено, что «говорил старец тихо, но внушительно и образно. Иногда он казался строгим, повелительным, но это бывало очень редко. Вообще характер у него был добрый и мягкий, лишь немного вспыльчивый» [1, с. 6].

Особого внимания заслуживают сохранившиеся воспоминания старца, приоткрывающие тайну внутренней жизни императора Александра I. Хотя повествователь подчеркивает, что «Феодор Кузьмич не упоминал об императоре Павле I и не касался характеристики его сына и наследника – Александра I» [1, с. 13], он все-таки приводит слова старца о них: «Однажды, когда речь зашла о трагической кончине императора Павла I, старец сказал своему слушателю, купцу С. Ф. Хромову: «Александр не знал, что дойдут до удушения» [1, с. 13]. Также, вспоминая Кутузова, старец признавался, что Александр I завидовал ему. Включение в житие историй из частной и внутренней жизни императора Александра I дают направление мысли читателя к выводу, что старец и император – одно лицо.

В житии переданы в прямой и косвенной речи не только рассказы старца, но сохранившиеся его высказывания о православии, о власти, о страданиях, которые соответствуют православному вероучению: «Не плачьте и не жалейте меня. Страдания и болезни свойственны человеку и не должны быть тягостны христианину, потому что он не только не должен ничем улаживать своего тела и покоить его, но всегда должен помнить, что оно должно умереть и предаться тлению, и потому ему нужно спокойно переносить боль и ждать неизбежного конца – смерти» [1, с. 26]. Речь старца, переданная в прямой речи, выдает образованного человека.

Несмотря на тенденцию к конкретизации образа святого, психологического анализа в житии нет. Внутренний мир праведника, «психологические побуждения и переживания, сложное разнообразие человеческих чувств, дурных и хороших, сильных, экспрессивно выраженных, повышенных в своих проявлениях» [9, с. 76], характерные, например, для некоторых житийных текстов, особенно в средневековой литературе (XIV–XV вв.), отсутствуют как в агиографических произведениях последних десятилетий, так и в анализируемом житии. Именно образ жизни, поступки, действия и слова святого, а не эмоциональная характеристика подвига и выражение авторского отношения к ним

⁶ Надо отметить, что привычка старца Феодора держать руку за поясом запечатлена и на его иконе.

играют важную роль в построении образа святого. Этим обусловлено отсутствие преувеличений, экспрессивных эпитетов, психологической характеристики героев.

В «Житии святого праведного старца Феодора» соблюдается традиционный принцип описания биографии святого, в котором воспроизводятся такие факты из его жизни, которые показывают подвиг праведника и служат к назиданию читателям. Раскрыть образ старца Феодора помогает описание его аскетических трудов и духовных подвигов, которые представлены как достаточно обобщенно («Следуя евангельской заповеди о необходимости совершать молитвенное делание в тайне от мира (Мф. 6: 6), старец сподоблялся от Бога по неложному Его обещанию явных благодатных дарований» [1, с. 7]), так и с воспроизведением конкретных фактов из жизни святого («Только после смерти обнаружилось, что колени старца были покрыты толстыми мозолями, свидетельствующими о частых и продолжительных коленопреклонениях во время усердных молитв» [1, с. 7]).

Духовные дары подвижника, такие как любовь к Богу и людям, странничество, дар прозорливости и исцеления, в житии получают объяснение в соответствии со святоотеческой и аскетической традицией: «Важно отметить, что истинный дар прозорливости (или пророческое служение) всегда имеет своим смыслом нравственное исправление ближних, указание им на те их греховные язвы, которые они либо не видят в себе, либо стыдятся открыть на исповеди» [1, с. 15]. Присутствие этого дара у святого старца Феодора Томского подтверждается многочисленными конкретными примерами.

Мир вещей в исследуемом житии представлен так же скупо, как и в традиционных житиях, и является способом характеристики аскетичного образа жизни святого: «Жилем ему служил всякий раз небольшой дом, состоящий из тесной кельи с маленьким окошком и небольших сеней. Спал старец на голой доске, которую со временем по его просьбе обили грубым холстом...» [1, с. 5]. Упоминание некоторых конкретных деталей из бытовой жизни старца помогает воссоздать исторически верную и достаточно достоверную картину жизни описываемого периода: «Его обед состоял обыкновенно из черного хлеба или сухарей, вымоченных в простой воде, для чего в его кельи постоянно находился небольшой сосуд из березовой коры и деревянная ложка» [1, с. 8].

Историческими свидетельствами нестяжательного характера святого и его аскетичного образа жизни служат подробные описания одежды Феодора Кузьмича: «Летом он ходил в одной белой длинной рубашке из деревенского холста, – которых у него было только две, – подпоясанный тонким ре-

мешком или веревкою, таких же шароварах. Зимой надевал поверх рубахи длинный темно-синий халат или, когда выходил на холод, – старую вылинявшую сибирскую доху (шубу мехом наружу). На ногах носил обыкновенные (зимою – толстые) чулки и простые кожаные туфли» [1, с. 6].

Другие образы в житии представлены едва прорисованными. И только некоторые лица, чьи поступки и чья жизнь вызвали особенный интерес у агиографа и могут послужить примером для христиан, представлены несколько более подробно. Одним из таких эпизодов является история с угощением старцем «благодатным яблоком» благочестивого священника Феодора Краснопевца, после вкушения которого он взял на себя подвиг юродства Христа ради.

Таким образом, рассмотренное «Житие святого праведного старца Феодора Томского» сочетает в себе разные жанрово-стилевые традиции и принципы изображения жизни святого. Исследуемый агиографический текст во многом сохраняет генную структуру сформированного в средневековье агиографического жанра. Средневековая русская четьи-минейная традиция проявляется во введении и четком разграничении повествовательных и проповеднических фрагментов текста, в традиционной композиции, включающей в себя предисловие, собственно житийную часть и послесловие, а также такой обязательный компонент, как описание чудес, во включении торжественно похвального слова святому. При этом «Житие святого праведного старца Феодора» в то же время соответствует современным жанрово-стилевым требованиям к новому агиографическому канону – объективности, лаконичности, фактологичности и документальности описания жизни святого (житие насыщено конкретными историческими сведениями, обстоятельствами и именами, указаны даты и названы места), стремлению к передаче индивидуальной характеристики подвижника, а не ориентации на агиотип. Житие наполнено конкретным, реалистическим биографическим материалом, в него входят бытовые сцены, включены исторические события и социальная реальность описываемой эпохи. Вместе с традиционной дидактической функцией в житии появляется новая для традиционного жанрового канона просветительская функция.

Можно вспомнить приведенное в начале этой статьи [10, с. 7] наблюдение Л. А. Дмитриева над особенностями древнерусских житийных текстов, что историческая действительность, устные предания, реальные факты жизни святого, а также личность агиографа создают вариации и модификации установленного жанрового канона. Как показывает анализ современного агиографического текста

«Житие святого праведного Феодора Томского», в житиях последних десятилетий также сохраняется вариативный потенциал, причем «в состав вариативной зоны текстов данного жанра включаются признаки, характеризующие коммуникативную на-

правленность текста, образы автора и адресата текстов житий и жизнеописаний святого, их языко-речевые характеристики» [11, с. 8], который позволяет агиографическому канону быть гибким и в то же время устойчивым.

Список литературы

1. Житие святого праведного старца Феодора Томского / сост. игумен Силуан (Вьюров). 3-е изд. (дополненное). Томск: Богородице-Алексиевский монастырь, 2010. 36 с.
2. Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора: Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. 236 с.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
4. Ковалев К. Житие или биография? О жанрах современной агиографии и литературно-исторической публицистики. URL: http://www.kkovalev.ru/Savva_Tsercov_vestnik.htm (дата обращения 15.01.2015)
5. Великие святые. «Он всех простил...». Император Николай II. Церковь о Царской Семье. Житие и страдания Святых Царственных страстотерпцев Николая II и Его Семьи. Материалы Синодальной комиссии по канонизации святых Русской православной церкви. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2002. 222 с.
6. Прохвятилова О. А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2006. Вып. 5. С. 19–26. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/275/19115.php> (дата обращения: 15.01.2015).
7. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 303 с.
8. Лившиц А. Л. Локальный агиографический текст в историко-литературном контексте XVII – середины XVIII столетий (житие Иродиона Илоезерского): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 297 с.
9. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. 520 с.
10. Макаренко Е. К. Жанровое своеобразие «Жития святого праведного старца Феодора Томского»: к проблеме современного агиографического канона. Ч. I // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 9 (150). С. 114–120.
11. Грекова И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 23 с.

Макаренко Е. К., кандидат филологических наук, доцент кафедры.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: andre@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 21.04.2015.

Е. К. Makarenko

GENRE ORIGINALITY OF “THE LIFE OF THE RIGHTEOUS ELDER FEODOR OF TOMSK”: THE PROBLEM OF THE MODERN HAGIOGRAPHIC CANON

The presented article is a part of study on the review of the modern genre identity hagiographic canon material on “The Life of the righteous elder Feodor of Tomsk” composed by abbot Silvanus (Vyurovym) (now bishop Kolpashevsky and Strezhevskoy). The considered work reflects the current stage of evolution of hagiographic genre and meet modern canonical genre and stylistic requirements of objectivity, faktologichnosti, conciseness, and the tendency to transfer the individual characteristic of the ascetic and not focus on agiotip. The greatest attention in this paper is given to studying the life of style, narrative principles of copyright and artistic means of creating an image of a saint.

Key words: *hagiography, prologue being, holy, righteous, martyr, composition, author, style, canon, Orthodoxy.*

References

1. *Zhitiye svyatogo pravednogo startsa Fedora Tomskogo*. Sost. Igumen Siluan (Vyurov). Izdaniye tret'e (dopolnenoye) [Life of St. Feodore of Tomsk righteous elder. Comp. Abbot Silvanus (Vyurov). Third Edition (Revised)]. Tomsk, Bogoroditse-Aleksievskiy monastyr' Publ., 2010. 36 p. (in Russian).
2. Korman B. O. Itogi i perspektivy izucheniya problemy avtora [Results and prospects of studying the problem of the author]. *Izbrannyye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected works on the theory and history of literature] Izhevsk, Udmurd. un-t Publ., 1992. 236 p. (in Russian).
3. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov*. Sbornik sochineniy [The problem of speech genres. Collection of writings]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1996. Vol. 5: Works 1940–1960. Pp. 159–206 (in Russian).

4. Kovalev K. *Zhitiye ili biografiya? O zhanrakh sovremennoy agiografii i literaturno-istoricheskoy publitsistiki* [Life or biography? About genres of contemporary literary hagiography and history of journalism]. URL: http://www.kovalev.ru/Savva_Tsercov_vestnik.htm (accessed 15 January 2015) (in Russian).
5. *Velikiye svyatyte. "On vsekh prostil..."*. Imperator Nikolay II. Tserkov' o Tsarskoy Sem'e. Zhitiye i stradaniya Svyatykh Tsarstvennykh strastoterpsev Nikolaya II I Ego Sem'i. *Materialy Sinodalnoy Komissii po kanonizatsii svyatykh Russkoy pravoslavnoy Tserkvi* [Great saints. "It's all just...". Emperor Nicholas II. Church about the royal family. Life and suffering of the Holy Royal Passion Nicholas II and his family. Materials of Synodal Commission on the Causes of Saints Russian Orthodox Church]. St. Petersburg, Neva Publ., Moscow, Olma-Press Grand Publ., 2002. 222 p. (in Russian).
6. Prokhvatilova O. A. Ekstralingvisticheskie parametry i yazykovye kharakteristiki religioznogo stilya [Extralinguistic and linguistic characteristics of religious identity]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta – Bulletin of Volgograd State University*, 2006, ser. 2. Linguistics, vol. 5, pp. 19–26. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/275/19115.php> (accessed 15 January 2015) (in Russian).
7. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 376 p. (in Russian).
8. Livshits A. L. *Lokalnyy agiograficheskiy text v istoriko-literaturnom kontekste XVII – serediny XVIII stoletiy (zhitiye Ierodiona Iloezerskogo)*. Diss. kand. filol. nauk [Local hagiographic text in historical and literary context of the mid XVII–XVIII century (life Herodion Iloezerskogo). Diss. cand. philol. sci.]. Tomsk, 2012. 297 p. (in Russian).
8. Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [The man in the literature of ancient Russia]. Selected works: In 3 t. Leningrad, Hudozh. Literature Publ., 1987. Vol. 3. 520 p. (in Russian).
9. Makarenko E. K. Zhanrovoye svoeobrazie "Zhitiya svyatogo pravednogo startsa Feodora Tomskogo": k probleme sovremennogo agiograficheskogo kanona". Chast' I. [Genre originality of "The Life of the righteous Elder Theodore of Tomsk": the problem of the modern canon of hagiographic. Part I]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, vol. 9 (150), pp. 114–120 (in Russian).
10. Grekova I. V. *Evolutsiya agiograficheskogo zhanra v funktsional'nom i stilisticheskoy aspekte*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Evolution of the hagiographic genre in functional and stylistic aspects. Abstract of diss. cand. philol. sci.]. Kemerovo, 2014. 23 p. (in Russian).

Makarenko E. K.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: andre@tspu.edu.ru